

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНЦЕВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТРУДАХ АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1910 г.

Царское правительство России рассматривало Дальний Восток как буферную зону, которая защищала бы от возможных военных столкновений центральную часть страны. В связи с этим обширные пространства не получали должного внимания для того, чтобы стать «полноценной частью» Российской империи с русским населением, которому было бы комфортно проживать на этой территории. Сложившейся ситуацией не замедлили воспользоваться мигранты из соседних восточных стран, которые вынуждены были ехать в Россию в поисках лучшей жизни. Вторая половина XIX в. и первое десятилетие XX в. ознаменованы систематическим заселением китайцами, корейцами и японцами территорий Дальнего Востока, что не могло не тревожить имперское правительство.

До русско-японской войны (1904–1905 гг.) в Приморской области число «желтых рабочих» (так в документе) превышало число русских рабочих в 1,5 раза, более того, из 487 промышленных предприятий области 192 принадлежали китайцам, корейцам и японцам. К 1908 г. число иностранных подданных из восточных стран в Приморской и Амурской областях составляло 25 % от всего населения [1, с. 161–162].

Возможно, такие неутешительные данные подтолкнули русское правительство к началу интенсивной колонизации (освоению) проблемных территорий. Одним из проектов, простимулировавших русские умы к изучению Дальнего Востока, стало строительство Амурской железной дороги (1906–1916 гг.). Необходимость в изучении местности, по которой должна была проходить железная дорога, а также нестабильное геополитическое положение России после войны с Японией стали поводом для организации Амурской экспедиции (1910–1912 гг.). Данное мероприятие было профинансировано русской казной в размере 600 тыс. руб. Возглавил его блестяще образованный человек Н. Л. Гондатти. Результатом экспедиции стало 18 оперативно изданных выпусков, один из которых, «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье», написан уполномоченным МИД в Приамурском крае В. В. Граве.

Многие исследователи полагают, что события русско-японской войны и отчасти стремление к личной выгоде (продвижение по службе) заставляли В. В. Граве преувеличивать опасность присутствия японцев в Приамурье, так же как и бездеятельность местных властей по этому вопросу. Постараемся, полагаясь на доступные источники, выяснить истинное положение дел. Существовало несколько сфер деятельности японцев на Дальнем Востоке России, по которым, как считал В. В. Граве, необходимо было фиксировать нарушения, как противоречившие внутреннему законодательству, так и нормам международного права.

Одной из таких сфер являлось рыболовство японцев на дальневосточном морском побережье России. Считаем излишним напоминать, какое место в жизни каждого японца занимает рыболовство, а, учитывая тот факт, что после реставрации Мэйдзи (1868 г.) необходимо было искать источники дохода вне Японии, можно предположить, что японцы могли пойти на явные нарушения в России. К тому же сами русские не развивали рыбопромышленность, поэтому неудивительно, что эта сфера была монополизирована японцами. Начиная с 70-х гг. XIX в. сложившаяся ситуация была упрочена Портсмутским договором (1905 г.), затем Рыболовной конвенцией (1907 г.).

Накануне русско-японской войны, несмотря на попытки русского правительства проводить протекционистскую политику, японским рыбопромышленникам удалось выловить без уплаты пошлин на побережьях Дальнего Востока рыбы на 7–7,5 млн руб. [4, с. 20]. А те, кто законно арендовал участки, старались скрыть информацию об уловах на 30–40 % и более от русского правительства, чтобы снизить арендную плату за эти участки [3, с. 72]. Такое рвение к столь масштабным хищениям было вызвано, прежде всего, наличием у японцев постоянного рынка сбыта, в отличие от русских рыбаков. В этой связи становятся понятными рекомендации В. В. Граве о необходимости освобождения русской рыбопромышленности от японской зависимости и целесообразности содействия правительства проникновению русских на другие рынки сбыта [2, с. 225].

Японские рыбаки прибывали в Россию не более чем на три месяца, поэтому они не вызывали такого беспокойства, как те, кто постоянно проживал на Дальнем Востоке и состоял в японских тайных обществах. Центром этих организаций, по мнению приамурской администрации, было общество японцев во Владивостоке «Урадзю-Керюминкай». В соответствии с Уставом (редак-

ция 1907 г.), его целью являлось воспитание в японских подданных духа самоопределения, содействие экономическому благосостоянию японцев и культурное развитие подданных Японии [2, с. 207]. В. В. Граве полагал, что это общество является рассадником шпионажа. Первое, что бросалось ему в глаза, – отсутствие у общества официального разрешения на свою деятельность от русской администрации (хотя все знали о его существовании); второе – непосредственная связь общества с Консульством Японии в России. Японская сторона резко отрицала последнее, после общения генерального консула во Владивостоке Отори Фудзитаро с В. В. Граве консул поспешил выйти из общества, возможно, чтобы опровергнуть сложившееся мнение [5, с. 168].

Нужно отметить то, что тема японского шпионажа имела противоречивое к себе отношение со стороны российских властей. Администрация Приамурского края на протяжении нескольких лет была тревогу, усматривая в каждом японце потенциального шпиона, декларировала необходимость ликвидации всех японских организаций. А МИД, в свою очередь, получая эти тревожные сигналы, рекомендовал зарегистрировать данные общества, исключив из их устава возможные «антигосударственные элементы» [4, с. 154]. Такая позиция МИДа объяснялась двумя причинами: во-первых, международная обстановка не позволяла портить отношения с Японией; а во-вторых, не существовало прямых доказательств причастности японских обществ к шпионской деятельности, хотя МИД признавал их существование незаконным.

Таким образом, В. В. Граве произвел достаточно адекватную оценку ситуации в рыбопромышленной деятельности японцев. Что касается вопроса о японском шпионаже, то, на наш взгляд, В. В. Граве, возможно, преувеличивал опасность, но это было связано лишь с тем, что в Дальневосточном крае царила патологическая боязнь новой японской агрессии.

Литература

1. Болховитинов Л. М. Военный сборник / Л. М. Болховитинов. – СПб., 1910. – С. 161–162.
2. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье : отчет уполномоченного Министерства иностранных дел // Труды Амурской экспедиции. – СПб., 1912. – С. 207–225.
3. Галямова Л. И. Рыболовный промысел на тихоокеанском побережье (1907–1914 гг.) // Россия и АТР. – Владивосток, 1994. – № 1. – С. 72.
4. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков / В. В. Синиченко. – Иркутск, 2003. – С. 20–154.
5. Тамура А. Общество японцев на Дальнем Востоке России // Вестн. ДВО РАН. – Владивосток, 2006. – № 5. – С. 168.